

Научная статья

УДК 340(02)

EDN BQQVVC

DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(1).245-257

А.А. Атанов , В.А. Рудяков 

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: В.А. Рудяков, fmened@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОСНОВАНИЯ ПРАВА В РОССИИ

АННОТАЦИЯ. Когда мы обращаем внимание на систему регуляции социальных отношений, чаще всего в голову приходит система правового регулирования. Но при проведении понятийного анализа социальных отношений средствами права, нужно четко знать, что такое право, какова его сущность, принципы, основания, иначе анализ будет недостоверным. Необходимое уточнение — при проведении анализа возникает проблема не просто определения, а сущностного определения права. Обычно для косвенного решения указанной проблемы, ссылаются на имеющиеся традиции правоприменения. В системе правоприменения вроде бы все должно быть понятийно определено, так как это древний инструмент с устоявшейся практикой использования. Сложности при таком подходе заключаются в другом, любая практика — это не теория. И если какой-то «инструмент» понятийно неопределенный в теории, является (считается) эффективным на практике, но при этом не обладает четко выраженной и понятной смысловой структурой, вполне возможно, что речь идет о совершенно другом инструменте (инструментах). Сущность ускользает, подменяется другими сущностями. В контексте права такими сущностями могут быть социальные институциональные образования. Учитывая вышеуказанную постановку проблемы, в настоящей работе нами анализируются две институциональные системы с точки зрения их приемлемости для России — «естественного права» и «каноническая». Проведенный анализ показывает, что «насаждение» естественного права не характерно исторически-институциональному контексту России. Такая деятельность может привести, на наш взгляд, к разрушению основных функций отечественной правовой системы и будет закреплять отношения в рамках неправовых понятий, из-за чего вполне вероятно есть возможность возникновения квази-сословного общества. Советский опыт определения оснований права авторами также признан малоудовлетворительным, создавая и закрепляя в современных реалиях правообразные, но не правовые сущности и формы. В качестве основного итога в статье дается определение права, характерное для нашей страны в институционально-историческом контексте.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Философия права, институционализм, методология, естественное право, каноническое право.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 28 ноября 2022 г.; дата принятия к печати 31 января 2023 г.; дата онлайн-размещения 3 марта 2023 г.

Original article

А.А. Атанов , В.А. Рудяков 

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Corresponding author: V.A. Rudyakov, fmened@mail.ru

INSTITUTIONAL APPROACH TO DETERMINING THE LAW IN RUSSIA

ABSTRACT. When we consider regulation system of social relations, the first thing that comes into one's mind is the legal regime. But while carrying out the analysis of the concept of social relations by the means of the law, it is important to

© Атанов А.А., Рудяков В.А., 2023

understand what the law is and what the role of the law is, as well as its principles and basics, otherwise the analysis will be unreliable. Consequently, we should mark out that the problem of the essential definition of law arises. The existing traditions of law enforcement are usually referred to in order to solve this problem. In the system of law enforcement all notions should be defined because this system is an ancient tool with the established practice. Nevertheless, we should remember that any practice is not a theory. If any tool that has no definition in the theory is (or is considered to be) efficient in practice but at the same time has no clear conceptual structure — probably it is an absolutely different tool (tools). The essence is sliding away and is replaced by other essences. In the context of law, such essences are social institutional bodies. Taking into account all mentioned above in this research we analyze two institutional systems — natural law and canonical — for their acceptability for Russia. The analysis shows that “implanting” natural law is not typical for Russia both in historical and institutional contexts. We believe that this “implanting” can lead to destruction of the Russian national legal system’s basic functions; will strengthen relations within non-legal frameworks and as a result there is a possibility that a quasi-class society will appear. The Soviet practice of defining the basis of law is also insufficient as it creates and fixes law-similar but not legal essences or forms. As the main conclusion in this research, we give the definition of law typical for our country in historical-institutional context.

KEYWORDS. Philosophy of law, institutionalism, methodology, natural law, canonical law.

ARTICLE INFO. Received November 28, 2022; accepted January 31, 2023; available online March 3, 2023.

Введение

Современные исследователи права, вместо того, чтобы говорить о праве, зачастую говорят об истории, социальных взаимодействиях, о способах социальной регуляции, общественных отношениях. Особенно часто любят ссылаться на общественные отношения. Но проблема заключается в другом, даже в понятийно-логическом основании правовой аспект общественных отношений гораздо меньше по объему, чем сами общественные отношения (которые анализируются гигантским количеством наук и в них вписаны различные типы общественной, групповой и личной деятельности). Поэтому правовой аспект не может адекватно описывать и определять, не только общественные отношения как таковые, он не фиксирует даже их структуру. Право в контексте общественных отношений чаще всего рассматривается не как сущностное образование (в значении, то, что создано), а как инструмент воздействия, причем даже не на структуру общественных отношений, а на избирательные фрагменты социальной и личной данности. Реальное возможное основание права, носит изменчивый характер, отсылающий нас к другим основаниям. Обратим внимание, что образование (возникновение чего-то) — это результат процессов, деятельности и т.д., зачастую носящий спорадический характер, тогда как основание — это логическое и научное понятие. Если мы методологически и понятийно не разделяем процессы, действия, познавательные процедуры, то происходит смешение временных образований, лишенных понятийного выражения (они лишь условно определены) с логически выверенными формами и понятиями, адекватные смысловые акценты в таком смешении расставить невозможно.

Если право социальный институт, то у нас в каждый исторический момент или в рамках изменившихся социальных условий возникает новая определенность права, основания которой выделить весьма сложно, так как четко зафиксированных понятий при таком подходе быть не может (кроме институциональных). В другом случае, право взятое как институт может быть рассмотрено как опирающееся на систему традиций. И в том, и в другом случае адекватное поня-

тийное выражение права, без описания и учета специфики социальных институтов — просто невозможно.

Гипотетически можно предположить, что право имеет исторический характер, никого сущностного основания у него нет и оно изменяется в зависимости от изменения исторических и социальных условий в рамках адаптационных процессов. Нужды в описании права как такового у нас, при этих обстоятельствах не возникает, мы просто должны приспосабливать правовую регуляцию к изменившимся социальным и историческим условиям и право выступает в качестве только социального института. При таком подходе возникают неоднозначные ответы на вопросы, касающиеся сохранения, либо разрушения социума, анализа социальных процессов. Очевидно, что, если право обладает сущностными основаниями, в рамках его существует и четкое понятийное описание действительности, касающееся исторических и социальных изменений, а не только система следования за процессами изменений. Как будет выглядеть правовая система описания социума, находящегося в социальных и исторических изменениях? Ответ прост. Чтобы получить правовое описание исторических и социальных изменений, нужно сохранить право в системе социума как сущность. Поэтому если в результате социальных и исторических изменений разрушается право, правового описания не будет, а появится описание в системе сложившихся в результате потрясений социальных институтов, учитывающее слом права в предельно латентном виде. Судить о праве можно будет только по прямым фактам его отсутствия в системе описания. Причем отсутствие права незаметно при фиксации внимания на социальных институтах и произошедших изменениях, отсутствует право, как сущность, а его отсутствие можно заметить только в случае, если существует возможность проникновения хотя бы мысли в право, как таковое, что в эпоху социальных потрясений не воспринимается как значимое явление.

Например, можно ли считать право и правовую систему России в XX в. преемственной? Ответ — вряд ли. Можно ли считать право и правовую систему Великобритании, в том же XX в., преемственной, ответ будет, да. На территории России в XX в. произошло большое количество социальных революций, которые предельно изменили общественную жизнь и общественные структуры. Из этого логически следует, что в системе права существует и должен быть отражен ряд смысловых несоответствий, которые связаны с социальными потрясениями, в результате которых правовая система не адаптируется к изменившимся условиям, а разрушается. То, что потом возникает (возрождается) под видом «права», на самом деле является неким новым механизмом социальной регуляции, или новым институтом, который внешне по форме и по регуляции похож на право, но создается на другом основании и для решения совершенно других задач, ведь социум кардинально изменился. Следовательно, создается нечто для регуляции социальных отношений, что называется правом, но это не право в его сущностном выражении, а новый социальный институт, в котором в латентном виде присутствуют другие социальные институты как традиционные, так и вновь возникшие. Отсюда следует, что понятийные основания вновь выраженной структуры, нуждаются в четком определении, в нашем исследовании мы можем оттолкнуться от понятия «право».

Целью исследования является разработка понятийных оснований общественных структур в контексте методологического определения институциональной экономики в рамках междисциплинарного подхода.

Научная новизна заключается в том, что при построении оснований методологии исследования права в системе институтов использованы концептуальные структуры философии, философии права, герменевтики и институционализма.

Современные основания права

Нужно иметь ввиду, что право, если его рассматривать как таковое, а не как социальный институт, а как ценность просто бы сохранялось как компонент жизни людей. Согласно одной из доминирующих на сегодня концепции — правами человек просто обладает, будучи человеком¹. Именно в системе социальных институтов наблюдается переход от права к государству и к властным институтам, которые и начинают определять право. В этом случае может происходить смещение равновесия как в сторону государства, так и неопределенных понятийно формальных и неформальных институтов. В случае смещения в сторону формальных и неформальных общественных институтов нужно понимать, что это за институты, их структуру и формы взаимодействия в рамках определенного института, при их взаимодействии с другими институтами и с социумом. В контексте неформальных социальных институтов, речь о праве, выраженном в понятийно-сущностной форме, ни в каком виде вести невозможно. Понятийные структуры безусловно будут, но организовываться они будут не в системе права, но на качественно других неправовых основаниях, как система отличия, а не система соответствия.

Помимо всего прочего, следует учитывать, что система «естественного права» в своей основе имела глубоко сословные корни. Отсюда возникает весьма неприятный вопрос: любой ли человек в этой концепции подпадает под понятие субъекта права. Действительно, вплоть до 70–80-х гг. XX в. мы наблюдали весьма ограниченное фактическое «естественное» правоприменение по отношению к людям не просто в мире, но и даже на территории тех странах, которые декларировали свою приверженность этим нормам. В конечном итоге мы видим, что как только система «естественного права» была «растянута» даже не на весь мир, а на население отдельно взятой страны (к примеру США), практически тут же (мгновенно по историческим меркам) возник целый ряд правовых коллизий и социальных кризисов, расшатывающих сами основы государственности, и несущих огромные угрозы обществу (например, глубокая радикализация таких течений, как BLM, Me Too и др.).

Возникает парадокс — система «естественного права», на смотря на всю свою декларативность, как «абсолютного блага», ведет не к укреплению позитивных тенденций, а к разъединению людей, ведя их к квази-сословному обществу уже в глобальном контексте. То есть по сути возвращается к своему изначальному, природному основанию. Конечно же во-многом это может быть обусловлено ресурсно-экономическими ограничениями. В мире просто нет такого доступного объема ресурсов, чтобы обеспечить реализации права в полном объеме для всех, особенно в условиях рыночно-капиталистической системы. Как следствие, например, и появляются такие концепции, как существование якобы «демократических» и «антидемократических» глобальных блоков. При этом подавляющему числу населения вторых отказывается практически в любом праве как таковом. Это по сути делит мир (и отдельные общества) на несколько частей и обрекает их фактически к форме взаимоотношений в рамках неправовых понятий.

Правового механизма реализации тех явлений, которые описываются системой неправовых понятий нет, но сами явления есть. Например, тема родственных, друзей, товарищей — она безусловно есть. А раз формально ее не должно быть, тогда структура начинает смещаться в сторону «кумовства», насколько сильным будет влияние формальных и неформальных институтов большой вопрос. Тогда, если брать по формальным значениям права — «кумовство» не допустимо, а как реальная структура общественной жизни, «кумовство» является

¹ Так называемый подход «естественного права».

существенно влияющим на процесс принятия решений, тогда как понятие, «кумовство» должно учитываться в форме существенных обстоятельств социального взаимодействия, в праве же оно является неправовым и его реальное воздействие на социум не учитывается, возникает фантомное образование, на практике есть, в реальности есть, а понятийно характер и сила воздействия на право никак не определены. В структуре неформальных институтов, вместо права реализуется система личных и социальных интересов, правил, норм, традиций, использующих «правовые» механизмы для своего продвижения — «понятия», «классовое чутье» и т.д. «Избранность», «уникальность» и т.д. происходят именно отсюда. Еще один аспект нужно рассмотреть при анализе указанной проблемы — что за государство реально получается в результате социальных и исторических изменений, и каков характер связанных с ним формальных институтов? Дополнительный вопрос — каково влияние неправовых структур и традиций на состояние общественной жизни, как эти факторы можно учесть, как в их присутствии устанавливается равновесие в социальных системах и на каком основании. В праве как в форме знания есть указание на эти факторы (коррупция, злоупотребление служебным положением и т.д.), но нет никакого инструментария для оценки объемов неправовых воздействий на правовую систему, возможно, по своей сущности, она уже неправовая, а критериев оценки изменений нет. Думаем, в праве ее и не может быть из-за его нормативного характера.

Если произошли социальные и исторические изменения, исключившие право как сущность, то в результате мы имеем, что право как данность умирает, превращаясь в один из механизмов социального воздействия и насилия, не имеющий никакого отношения к праву, но при этом старающийся быть похожим на право. Единственное, позволяющее определить, что речь идет не о праве — это постоянно смещающаяся сущность этого нечто (механизма), которая в отличие от права указывает то на «избранность» и «особенность» человека, то на его связи, то на то, что является «общепринятым» в социуме. В любом случае страдают права личности и общества в целом, ведь частное начинает выступать в роли всеобщего. Возникает ситуация подмен и подтасовок, где сущность происходящих процессов прячется под «правовыми» понятиями, которые скрывают совершенно иное содержание. Возникает необходимость раскрытия взаимодействующих структур, которые приводят к возникновению таких эффектов. Привычный понятийный аппарат права и «права» здесь не работает, так как необходимо анализировать более сложные системы, структуры и функции. Исследование смещается в плоскость власти, рычагов влияния, экономики, политики. Главная сложность заключается в построении адекватной модели, описывающей реальные структуры, и позволяющей выделить подлинные смыслы. Зачастую исследование должно обращаться к другим наукам для того, чтобы адекватно описать реальные структуры. Даже установление жестких временных и исторических рамок, зачастую влияет на смысл описываемого явления, так как зачастую вместо подлинных событий той или иной эпохи, мы сталкиваемся с искаженно-утрированным представлением, фальсификацией или мифологизацией. Поэтому возникает ряд задач по переводу процессов и явлений в четкую понятийную форму, которая зачастую возникает только как результат междисциплинарного исследования. Для решения этих задач нужно выстроить систему соответствующего мышления и методологии в рамках, которых должна происходить реализация моделей смысла. Ситуация может доходить практически до абсурда, если вдуматься в то как сами правоведы склонны интерпретировать и толковать право, учитывая что «отсутствует единство в понимании объекта юридического толкования. Среди ученых нет единства даже в названии рассматриваемого явления» [1, с. 77].

Основание права в контексте гуманитарно-социального знания

Вернемся к вопросу, почему мы считаем, что правовая система в России (особенно выпукло этот процесс сформировался в последней четверти XX в.) начала терять свою преемственность. Как нам кажется, изначально российское (ранее — русское) право имело каноническое основание. Весьма подробно этот вопрос нами был рассмотрен применительно к российским протоинститутам в [2]. Исторической точкой отсчета формирования базовой российской системы права, очевидно, можно считать времена Иоанна Златоуста (III в. н.э.). В этот период в рамках общественной этики в строгом смысле слова права нет и быть не может, так как все принадлежит Богу, и он дает те или иные блага людям лишь на время. Даже сама жизнь есть не право, а дар. Сама суть формируемой (в том числе — правовой) этики заключалась в движении к духовному спасению себя и окружающих, через служение не для сверхличной цели, а как служение великому целому. В последствии данный этический нарратив был, как мы помним, воплощен в «Уложении о службе» Ивана Грозного (1550 г.), которое логически было развито до «Табели о рангах» (1722 г.) Петра I.

Таким образом была сформирована институционально-правовая структура, в которой право логически выводилось из служения (высшей цели), где абсолютный (сакральный) характер права отрицался. Это, по мнению И.Т. Посошкова, свидетельствовало о том, что права являются продолжением обязанностей и ответственности и носят временный характер [3]. Правовая преемственность в России была первично нарушена в результате реформы конца XVIII в. по освобождению дворян от обязательной государственной службы, что привело к пугачевскому восстанию, «черным переделам», участвовавшим расправам с помещиками, сжиганию усадеб и т.д. Окончательная деформация произошла, как мы помним, в 1990-х гг., приведя всю систему в настолько плачевное состояние, что такие явления, как отсутствие регулирования ответственности лиц, занимающих ряд государственных должностей в РФ [4] или ксенофобия, затронувшая большинство бывших республик СССР [5], рассматривались как некие правила.

Понятие наиболее четко раскрывается в мышлении, которое может быть научным, философским, правовым и т.д. Каноническое право характеризуется специфической формой мышления. Правовое мышление понятийно, но понятия в праве резко отличаются от понятий в философии и от понятий в науке. Правовые понятия, когда они связаны с социумом, властью или государством в значительной степени социализированы, приходится прилагать значительные усилия для разделения сущностей права и характеризующих с его помощью процессов и явлений. Так как в правовом исследовании всегда присутствуют субъективные моменты, связанные не с объективностью происходящих процессов, а с личными интересами. Самое парадоксальное, что *как только включается личный интерес*, система права и правовых понятий умирает, замещаясь на описательные формы и определения, которые маскируют истинное положение вещей, возникает груда искажений, истинный смысл которых заключается в укрывательстве подлинных смыслов и интересов, заинтересованных лиц.

Само по себе каноническое право связано с нормой как таковой и ценностью как таковой. Но право соприкасается с ценностями и опирается на ценности не в системе аксиологического мышления, оно скорее руководствуется ценностями присутствия в каком-то процессе или выделения правового аспекта какой-либо проблемы в социальных структурах, указывая на социум и его содержание, но при этом ценности права должны находиться за пределами социума, по той простой причине, что через них определяются социальные и временные структуры, следовательно ценности на которые опирается право, должны относиться к тем,

что дают понимание историчности, временности и социальности — не будучи ни социальными, ни временными, ни историческими, иначе анализ данности становится невозможным [6, с. 569–570].

Можно сослаться на такую гуманитарную и социальную науку как психология. Она связана с личными историями, с социумом и многим другим, но работает, прежде всего с человеческими состояниями, и изучает эти состояния. Не зная концепцию «состояний» невозможно понять специфику психологии как науки, а также характер сопряженных с психологическими процессами явлений. То есть понимание будет возникать только тогда, когда мы заходим в соответствующее состояние, которое и есть сущность психологии. Ценностные аспекты будут связаны с состоянием, которое и указывает на систему ценностей, само не являясь этой системой. Ценности права и ценности как таковые не совпадают. Поэтому и нужно уметь выделять коренные сущности того или иного явления, что мы и сделали на примере психологии.

Для начала нужно четко зафиксировать, что право — это не социум, не время, не история, эти понятия то, с чем право работает. Анализировать социум и социальные отношения в системе права можно только на базе четко определенных правовых ценностей и понятий. В «праве», которое изменилось под влиянием социальных или внешних потрясений, ценности обозначены не свободной выраженностью права и правовых систем, а удерживаются и фиксируются в качестве норм, зачастую полностью игнорирующих реальность — например, пролетарское государство и т.д. Отсюда возникает ряд вопросов по поводу правовых и юридических норм и их характера [7].

В советской и в нынешней российской правовых системах есть весьма жесткое основание связи права и государства. В какой степени это корректно по форме выражения и по сущностному основанию? Правовое мышление, в идеале, характеризуется большой точностью и четкостью из-за того, что оно опирается на проработанные понятийные структуры, соответствующие ценностным отношениям, указывающими на истинное положение вещей. Важнейшим основанием корректного построения суждений в праве является отказ от смешения понятий и ценностей. Ценности есть всегда, но те ли это ценности по поводу которых было оформлено суждение и (или) корректно ли определено основание?

Небольшой пример, чисто гипотетический. Предположим, что основой права является справедливость, затем сделаем другое предположение, что основой права является милосердие, будут ли при этом совпадать понятийно выраженные правовые суждения? Очевидно нет, слишком уж разные ценности справедливость и милосердие. А если в системе социальной практики происходит более кардинальное изменение ценностей, предположим справедливость заменяется на силу (насилие) или выгоду? Тогда понятийные структуры указывают на другое сущностное содержание происходящих процессов, а внешне кажется, что ничего не поменялось, речь вроде бы идет о праве, а на самом деле о силе или насилии. Спрятать этот факт никак не получится, сущность реальности, как бы она не называлась (обозначалась), отменить невозможно, вся система реализации сущностных проявлений социальной действительности будет не про справедливость, или милосердие, а про силу (насилие). Причем, если справедливость и милосердие выступают скорее как формы регуляции данности, то сила и насилие — это одновременно и сама данность, и ее форма, но реализуется все это чисто внешне через «право». «Право» в данном случае форма описания, которая маскирует действительность. Нужно иметь в виду, что сила и насилие как ценности могут выступать и в качестве инструментария. Как ценности они обобщены, а как выражаемые в обществе социальные институты они всегда персонифицированы и присвоены, то есть речь

идет не о силе и насилии как таковых, а о силе и насилии такового, то есть снова происходит переход от всеобщего к частному, что абсолютно невозможно логически в правовой системе. Можно вспомнить Ницше с его логическим парадоксом, что слабость может отнимать силу, то есть плохо организованные социальные поля требуют гораздо больше сил и характеризуются низкой продуктивностью. Весьма часто сила и насилие начинают подменять право, именно в эпоху социальных потрясений и социальной деградации. Благодаря персонификации, реальная ценность может быть смещена или она просто отсутствует именно в этом социальном пространстве, находясь за его пределами. Например, весьма сложно признать трехлетнего ребенка экзистенциалистом по мировоззрению. И ребенок замечательный, и его папа с мамой умные, но в силу возраста не дорос до мировоззрения, возможно и станет экзистенциалистом, а возможно и нет [8].

Кроме того, необходимо учитывать следующие особенности научного понятийного мышления — научное понятие характеризуется объемом и содержанием, причем даже простое понятийное мышление не характерно для бытовой речи и мышления. Представление ценностей в понятийной форме требует значительных интеллектуальных усилий. Право один из первых в истории человеческой мысли способов понятийного мышления. Для использования правового мышления на практике требуется интеллект, умение строить обобщающие структуры, умение сравнивать, умение определять и многое другое, что не характерно для обычного мышления. К сожалению, право зависит от исторических и социальных процессов и изменений, которые зачастую приводят к разрушению юридических и правовых институтов, а иногда и к разрушению права. Право само по себе не институционально, а ценностно. Анализом актуальности права, оказавшегося под бременем социальных и исторических изменений, мы и намерены заняться. Для решения этих задач в логическом плане мы предлагаем связать два понятия: «право» и «время» в контексте социальности, в варианте установления детерминант сопряженности для выявления смысла.

Парадигмальные основания марксизма и принцип реальности

Проводить анализ мы намерены оставляя изучаемое нами явление в рамках единой понятийной и идеологической парадигмы, то есть сохраняя контекст. Для начала возьмем для анализа период стабильности в жизни Советского Союза — это конец 60-х гг. XX в. — период перед «застоем». Мы изучим явления в контексте, созданного в рамках работающего единого временного и идеологического коррелята изучаемых нами отношений.

Первое, на что нужно обратить внимание, что даже вроде бы работающая в Советском Союзе марксистская парадигма, на самом деле мало связана с пониманием реальных социальных процессов и системы реальности, которые зачастую живут своей жизнью и весьма сильно отличаются от идеологических и понятийных оснований господствующей парадигмы. Спрятать реальность, в системе иллюзий, можно, но она в любом случае просвечивается даже через используемые идеологически правильные определения, возникает ряд претензий и к идеологии, ее как четко определенной (даже иллюзорной) системы просто нет, она колеблется в соответствии с линией партии, то есть идеология подчинена социальным изменениям и зависит от формальных и неформальных социальных институтов, наличие которых зачастую даже не подразумевается в рамках господствующей парадигмы.

Наше исследование связано с правом и сопряженными с правом понятиями и категориями, такими как норма, поведение, правила поведения. Для выражения фактов и понятий, в четком формате идеологии и властных предпочтений,

возьмем идеологически проверенную систему достижений понятийного мышления советского периода, написанную квалифицированными специалистами в различных областях знания (права, социологии, философии, науки). Это своего рода компендиум социальной и гуманитарной мысли конкретной исторической эпохи. Для проведения анализа текстов может быть использована методология, которая не используется авторами текстов. Кроме того, в систему комментирования добавляются другие источники, позволяющие расширить смысловые границы анализа.

Юрист В. Туманов определяет право, как «совокупность устанавливаемых или санкционируемых государством общеобязательных правил поведения (норм), соблюдение которых обеспечивается мерами государственного воздействия, включая принуждение. С помощью права класс или классы, держащие в руках государственную власть, определенным образом регламентируют отношения и поведение людей и их коллективов, закрепляют в качестве обязательного, охраняемого законом тот строй общественных отношений, который отвечает интересам этих классов» [9, с. 331]. Определяя право автор вводит ряд дополнительных понятий: власть, и почему-то приравненные к правилам поведения — нормы, классы. Сущности умножились и указывают на совершенно другие типы ценностей, с которыми в системе определения должно взаимодействовать право. Нужно помнить, что необходимо выстроить четкую понятийную и ценностную форму суждений, только в ней возможно корректное правовое суждение. То есть, нам нужно расшифровать действительный смысл предлагаемых нашему вниманию суждений. Хотя первое основание было выделено — это право, но оно в ходе авторского построения определения, было почему-то перемещено в систему классовых взаимодействий.

Классы — это историческое образование. Другой вопрос, на сколько понятийно достоверным для анализа понятия «право» является понятие «класс», вводимое в систему социальной мысли в XIX в. Вспомним определение класса, в «Немецкой идеологии», где мы видим: «Из всего вышеизложенного вытекает, что общественные отношения, в которые вступали индивиды какого-нибудь класса и которые обуславливались их общими интересами против какого-либо другого класса, составляли всегда такую коллективность, к которой индивиды принадлежали лишь как средние индивиды, лишь постольку, поскольку они жили в условиях существования своего класса; они находились в этих общественных отношениях не как индивиды, а как члены класса» [10, т. 3, с. 75–76]. Отсюда вытекает определение класса, которым пользовался Маркс: «Общественный класс есть большая группа людей, отношения между которыми обуславливаются их общими интересами против какого-либо другого класса» [11]. Весьма интересно, как в эту систему тотальной социальной враждебности может быть вписано право, или еще более простой вопрос, где в системе классовых отношений место для права?

В.И. Ленин в статье «Великий почин» дает следующее определение классов: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [12]. Как видим определение вполне экономическое, с жесткой отсылкой к законам, а не к праву.

Оформим следующую группу вопросов. Например, насколько понятия «право» и «социум» тождественны? Особенно, если социум рассматривается в рамках классовой парадигмы. В системе правовых традиций право связывалось с такими

понятиями как справедливость, закон и т.д. Если мы вводим абсолютно новое историческое, смысловое или понятийное основание для взаимодействия правовых понятий, то его нужно хотя бы обосновать, а не сослаться на практику применения возникшую здесь и сейчас, на неизвестно каких логических основаниях. Да, безусловно, право определяет строй оформившихся общественных отношений с четко прописанными нормами, но нужно помнить, что первое, что разрушается при изменении общественных отношений — это право, так изменяется связанная с правом система законов, которая весьма часто исчезает, возрождаясь в новом качестве и вполне возможно вовсе не на правовом основании.

Выводы

В процессе исследования мы обратили внимание и на понятие право, и на понятие государство. Государство в советский исторический период определяется как политическая организация экономически господствующего класса для подавления сопротивления его классовых противников. «Государство — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим» [13, т. 29, с. 441]. Государство и есть основание права, если верить В. Туманову. По сути, получилось качественно новое определение права, которое определяется через социальные понятия, относящиеся неизвестно какой науки (наукам) в историческом контексте и с нехарактерными для ценностного (нормативного) определения понятиями, которые оказались связанными с правом в системе новой идеологической парадигмы. Так, некоторые категории начинают трактоваться в совершенно новом смысле. Например, налоги рассматриваются не с точки зрения экономических или правовых функций [14, с. 642], а с позиций принуждения и даже насилия — «советское государство с самого начала своего существования стало применять налоги как орудие политической борьбы» [15, с. 103]. Марксизм как учение выступает как основа всего этого. Но возникает резонный вопрос в рамках какой науки или наук дают свои определения К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин? Если определена наука, то возникает хотя бы косвенная понятийная определенность. По сути же оказывается, что исчезла система научных понятий и знания, которая заменяется марксизмом, продуцирующим систему догм, а не познания, догмы подменяют собой исследовательскую деятельность и научные знания. То есть права как объекта исследования нет, оно заменено системой принуждения, которая трансформирует, в том числе и исследователя, то есть вместо объекта исследования, есть объект практики, если говорить на языке марксизма. Следовательно, не может быть правоведения как науки, так как нет сущностей и форм, относящихся к праву. Эти сущности и формы правообразны, но не правовые.

И совсем интересный вопрос, какой класс в СССР господствует над другими классами и присваивает их труд, и какие эти другие классы? Иначе государство в той форме в какой оно декларируется — абсолютно ненужно, или же, другая кощунственная мысль, оно является не классовым, или же классовым, но господствующий класс тщательнейшим образом маскируется.

Учитывая изложенное, если попытаться дать определение права, характерное для нашей страны в институционально-историческом контексте, то, как нам кажется, можно выразиться следующим образом:

Право — система возможностей, возникающая при функционировании социальных институтов, взятых в контексте необходимости (обязанностей). Если системы обязанностей нет, то распадутся правовые институты, так как необходимость, реализующаяся в раскрытии связи между социальными явлениями, замещается случайностью. Возникает произвольность в системе и характере связей между явлениями (институтами), из связей такого плана никогда

не может воспоследовать Закон. Поэтому право может быть производным от обязанностей, а не наоборот. Иначе создаются произвольные институты, негативно действующие на социальные системы, так как они имеют случайный, а не необходимый характер. Исходя из этого, не может быть сохранена преемственность организации, потому, что связи в момент раскрытия каждый раз изменяют и форму, и содержание.

Список использованной литературы

1. Шабуров А.С. Категория «толкование права» А.Ф. Черданцева требует дальнейшего развития / А.С. Шабуров. — DOI 10.17150/1819-0928.2021.22(2).77-83. — EDN [WKECGL](#) // Академический юридический журнал. — 2021. — Т. 22, № 2. — С. 77–83.
2. Рудяков В.А. Проблема легитимации российской частной собственности в институционально-историческом контексте / В.А. Рудяков, Т.В. Сметанина. — EDN [WWWVMMAR](#) // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2016. — № 4 (66). — С. 19–29.
3. Нуреев Р.М. Восточные и западные традиции экономической мысли в «Книге о скудости и богатстве» Ивана Посошкова / Р.М. Нуреев. — EDN [SFAVNR](#) // Историко-экономические исследования. — 2014. — Т. 15, № 1. — С. 8–25.
4. Праскова С.В. К вопросу о необходимости единого порядка увольнения лиц, замещающих муниципальные должности, в связи с утратой доверия / С.В. Праскова. — EDN [KJZOMO](#) // Академический юридический журнал. — 2020. — Т. 21, № 4. — С. 24–34.
5. Трофимов Е.А. Миграционные процессы на постсоветском пространстве в XXI веке / Е.А. Трофимов. — DOI 10.17150/2500-2759.2020.30(1).23-29. — EDN [TNHJZL](#) // Известия Байкальского государственного университета. — 2020. — Т. 30, № 1. — С. 23–29.
6. Атанов А.А. Экономика концептов / А.А. Атанов. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. — 398 с.
7. Зайцева Е.С. Ценности как фактор установления пределов правового регулирования / Е.С. Зайцева. — DOI 10.17150/1819-0928.2022.23(1).14-20. — EDN [LHYCDK](#) // Академический юридический журнал. — 2022. — Т. 23, № 1. — С. 14–20.
8. Куценко Н.Ю. Опыт феноменологии в контексте экзистенциального подхода в психологическом консультировании / Н.Ю. Куценко. — DOI 10.17150/2500-2759.2019.29(1).39-47. — EDN [ODRKIJ](#) // Известия Байкальского государственного университета. — 2019. — Т. 29, № 1. — С. 39–47.
9. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве / В.А. Туманов — Москва : Наука, 1971. — 381 с.
10. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Изд. 2-е. — Москва : Политиздат, 1955–1974. — Т. 1–39.
11. Маркс К. Немецкая идеология // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Москва : Госполитиздат, 1955. — Т. 3. — С. 7–544.
12. Ленин В.И. Великий почин / В.И. Ленин. — URL: http://revolucia.ru/lvi39_1.html.
13. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. — Изд. 4-е. — Москва : Госполитиздат, 1941–1950. — Т. 1–35.
14. Мониторинг коррупционных факторов и эффективности мер по предупреждению коррупционных правонарушений в налоговых органах / Н.А. Поветкина, Ю.В. Пятковская, Ю.В. Трунцевский, Е.В. Рыжова. — DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(5).641-650. — EDN [YTNXBR](#) // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 5. — С. 641–650.
15. Самаруха В.И. Развитие финансового и налогового механизмов в Советской России и СССР / В.И. Самаруха, А.В. Самаруха, И.В. Самаруха. — DOI 10.17150/2500-2759.2020.30(1).100-112. — EDN [KDAUFL](#) // Известия Байкальского государственного университета. — 2020. — Т. 30, № 1. — С. 100–112.

References

1. Shaburov A.S. Category "Interpretation of Law" by A.F. Herdantsev Requires Further Development. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2021, vol. 22, no. 2, pp. 77–83. (In Russian). EDN: [WKECGL](#). DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(2).77-83.

2. Rudyakov V.A., Smetanina T.V. Legitimation of Russian Private Property in Institutional-historical Context. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Journal of the Ural State University of Economics*, 2016, no. 4, pp. 19–29. (In Russian). EDN: [WWVMAR](#).

3. Nureev R.M. Eastern and Western Traditions of Economic Thought in the "Book on Poverty and Wealth" by Ivan Pososhkov. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History and History of Economics*, 2014, vol. 15, no. 1, pp. 8–25. (In Russian). EDN: [SFAVNR](#).

4. Praskova S.V. On the Issue of the Need for a Unified Procedure for Dismissal of Persons Holding Municipal Posts in Connection with the Loss of Trust. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2020, vol. 21, no. 4, pp. 24–34. (In Russian). EDN: [KJZOMO](#).

5. Trofimov Y.A. Migration Processes in the Post-soviet Territory in the 21st Century. *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2020, vol. 30, no. 1, pp. 23–29. (In Russian). EDN: [TNHJZL](#). DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(1).23-29.

6. Atanov A.A. *Economics of Concepts*. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2008, 398 p.

7. Zaitseva E.S. Values as a Factor in Setting the Limits of Legal Regulation. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2022, vol. 23, no. 1, pp. 14–20. (In Russian). EDN: [LHYCDK](#). DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(1).14-20.

8. Kutsenko N.Yu. Phenomenology Experience in the Context of the Existential Approach to Psychological Counseling. *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2019, vol. 29, no. 1, pp. 39–47. (In Russian). EDN: [ODRKIJ](#). DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(1).39-47.

9. Tumanov V.A. *Bourgeois legal ideology. Toward a critique of the doctrines of law*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 381 p.

10. Marks K., Engels F. *Works*. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1955-1974. Vol. 1–39.

11. Marx K., Engels F. German Ideology. In Marx K., Engels F. *Works*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, vol. 3, pp. 7–544. (In Russian).


12. Lenin V.I. Great initiative. Available at: http://revolucia.ru/lvi39_1.html.


13. Lenin V.I. *The Complete Works*. 4th ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1941–1950. Vol. 1–35.

14. Povetkina N.A., Pyatkovskaya Yu.V., Truncevsky Yu.V., Ryzhova E.V. Monitoring the Corruption-generating Factors and the Effectiveness of Corruption Prevention Measures in Tax Authorities. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 5, pp. 641–650. (In Russian). EDN: [YTNXBR](#). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(5).641-650.

15. Samarukha V.I., Samarukha A.V., Samarukha I.V. Development of Financial and Taxation Mechanisms in Soviet Russia and in the USSR. *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2020, vol. 30, no. 1, pp. 100–112. (In Russian). EDN: [KDAUFL](#). DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(1).100-112.


Авторы


Атанов Андрей Алексеевич — доктор философских наук, доцент, директор Института культуры, социальных коммуникаций и информационных технологий, заведующий кафедрой философии и искусства, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, atanovaa777@gmail.com,  <https://orcid.org/0000-0001-8554-6763>, SPIN-код: 6749-3884, AuthorID РИНЦ: 263946.

Рудяков Василий Анатольевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательской деятельности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, fmened@mail.ru,  <https://orcid.org/0000-0002-2080-4845>, SPIN-код: 4650-1365, AuthorID РИНЦ: 512678.

Authors

Andrey A. Atanov — D.Sc. in Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Culture, Social Communications and Information Technology, Head of the Department of Philosophy

and Art Studies, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, atanovaa777@gmail.com,  <https://orcid.org/0000-0001-8554-6763>, SPIN-Code: 6749-3884, AuthorID RSCI: 263946.

Vasilii A. Rudyakov — PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Enterprise Economics and Entrepreneurship, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, fmened@mail.ru,  <https://orcid.org/0000-0002-2080-4845>, SPIN-Code: 4650-1365, AuthorID RSCI: 512678.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Атанов А.А. Институциональный подход к определению основания права в России / А.А. Атанов, В.А. Рудяков. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(1).245-257. — EDN [BQQVVC](#) // Baikal Research Journal. — 2023. — Т. 14, № 1. — С. 245–257.

For Citation

Atanov A.A., Rudyakov V.A. Institutional Approach to Determining the Law in Russia. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 1, pp. 245–257. (In Russian). EDN: [BQQVVC](#). DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(1).245-257.